ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ГРЯДУЩЕЙ РОССИИ

Нам не надо предвидеть грядущего хода событий. Мы не знаем, когда и в каком порядке будет прекращена коммунистическая революция в России. Но мы знаем и понимаем, в чем будет состоять основная задача русского национального спасения и строительства после революции: она будет состоять **в выделении кверху лучших людей,** – людей, преданных России, национально чувствующих, государственно мыслящих, волевых, идейно творческих, несущих народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости и сверхклассового единения. Если отбор этих **новых русских людей** удастся и совершится быстро, то Россия восстановится и возродится в течение нескольких лет; если же нет – то Россия перейдет из революционных бедствий в долгий период послереволюционной деморализации, всяческого распада и международной зависимости.

Всякое государство организуется и строится своим **ведущим** слоем, живым отбором своих правящих сил. Всегда и всюду **правит меньшинство:** в самой полной и последовательной демократии – большинство не правит, а только **выделяет** свою «элиту» и дает ей общие, направляющие **указания.** И вот судьбы государств определяются **качеством ведущего слоя:** успехи государства суть его успехи; политические неудачи и беды и беды народа свидетельствуют о его неудовлетворительности или прямо о его несостоятельности, – может быть о его безволии, безыдейности, близорукости, а может быть, о его порочности и продажности. Такова судьба всех народов: они расплачиваются унижениями и страданиями за недостатки своего ведущего слоя. Однако эти унижения и страдания являются не только тягостными последствиями совершенных ошибок или преступлений; они являются в то же время **подготовкой будущего, школой для новой элиты;** они длятся лишь до тех пор, пока эта новая национальная элита не окрепнет религиозно, нравственно и государственно. В этом – смысл исторических провалов, подобных русской коммунистической революции: в страданиях рождается и закаляется **новый дух,** который в дальнейшем поведет страну.

Это зарождение и закаление нового духа происходит ныне в России вот уже тридцать с лишним лет. Оно совершается негласно, в подспудном молчании. Мы можем быть твердо уверены, что русские сердца не разлюбили Россию и не разучились верить, но научились **верно видеть зло и злобу,** научились **ценить свою историю,** научились и еще учатся **келейной молитве** и зрелым **волевым решениям.** Этот процесс начался еще в первые годы революции, и многие из нас участвовали в нем и наблюдали его. Ныне русскому народу, как

еще никогда ни одному другому, дана была в историческом опыте **злая государственная власть,** – дана была очевидность лжи, пошлости и насилия, жестокости и порабощения. И все это – при длительной неосуществимости протеста, при невозможности достойно ответить на недостойное и возмутительное. Это скопление злого опыта, это нарастание негодования и страха – ставило всякую живую душу перед выбором: или согнуться, приспособиться и примириться с происходящим, стать «ловчилой» и заглушить в себе веру и совесть; или же выработать защитную маску условной «лояльности» уйти **в духовную катакомбу.** В этой духовной катакомбе люди научились сосредоточиваться на **главном** и пренебрегать неглавным в жизни: они научились зажигать незримую врагам лампаду и творить при ее свете новую подспудную культуру; они научились **молиться по-новому и любить по-новому** и внутренне, беззвучным шепотом, произносить клятвы служения и верности. Они духовно обновлялись. В первые годы большинство русских людей колебалось между этими двумя возможностями: между духовным разложением и обновлением. Но некоторое, не поддающееся учету меньшинство вступило на этот путь сразу. Возможно, что немногие из них пережили эти мучительные десятилетия и что немногие доживут до возрождения России. Но они могут быть уверены в том, что ни одно усилие их, ни один вздох не пропали бесплодно. Задача их состояла в том, чтобы заткать немедленно – во всем этом крушении и вопреки всему этому распаду – **ткань новой России** и постепенно **вовлекать в эту ткань все новых и новых людей.** Они могли быть уверены, что данная русскому народу **очевидность зла** будет непрестанно пополнять их ряды, медленно, но верно увеличивая число обновляющихся. В **этом** был смысл того исповедничества и мученичества, на которое шли с самого начала лучшие люди России, принимавшие гонение, аресты, суд, ссылку, медленное умирание и расстрел. Они понимали, что они призваны противостать и стоять до конца; что одним своим с виду обреченным и безнадежным «стоянием» они делают **главное и необходимое:** служат той России, в которую надо верить, которая ныне выстрадывает себе духовную свободу и, не поддаваясь соблазнам, ищет христианского братства и справедливости. Так священномученики строили Православную Церковь, а политические герои – гражданственную природу России*. Они совершили свое дело и достигли

* См. предсмертное письмо расстрелянного большевиками Митрополита Петербургского Вениамина (цитировано у Митрополита Анастасия в Сборнике избранных сочинений. 1948. «Похвальное слово новым священномученикам Русской Церкви»). См. также в трудах Протопресвитера Михаила Польского: «Положение Церкви в Советской России» и «Новые мученики российские», (прим. составителей первого издания этой книги. – *И.С.*).

многого. И если мы читаем в советских газетах признания, что в высшие учебные заведения «пошла верующая молодежь», что в советской России священники «увлекают наиболее живые умы» и что «нынешние верующие совсем другие люди по сравнению с тем, что представляли они собою в начале революции»; если мы видим, что половина российского населения, несмотря на двадцатилетние гонения, открыто причислила себя по переписи к верующим, – то мы должны воздать должное подвигу русского героического меньшинства. Отсюда пойдет возрождение России, ибо здесь скрыт **живой источник нового качества.**

Причины русской революции многосложны и глубоки; о них будут написаны впоследствии целые исследования. Но если перевести их язык **духовного качества,** то можно сказать следующее.

Россия перед революцией оскудела не духовностью и не добротою, а **силою** духа и добра. В России было множество хороших и добрых людей; но хорошим людям не хватало **характера,** а у добрых людей было мало **воли и решимости.** В России было немало людей чести и честности; но они были рассеяны, не спаяны друг с другом, **не организованы.** Духовная культура в России росла и множилась: крепла наука, цвели искусства, намечалось и зрело обновление Церкви. Но не было во всем этом **действенной силы, верной идеи,** уверенного и зрелого самосознания, собранной силы; не хватало **национального воспитания и характера.** Было много юношеского брожения и неопределенных соблазнов; недоставало **зрелой предметности и энергии в самоутверждении.** Этому соответствовало и состояние русского народного хозяйства – бурно росшего, но не нашедшего еще ни зрелых форм, ни организованности, ни настоящего проникновения в толщу естественных богатств. Собственническое крестьянство только начинало крепнуть; промышленная предприимчивость имела перед собою непочатые возможности; помещичье хозяйство еще не изболело своих недугов – экстенсивности и дворянского дилетантизма; рабочие еще не нашли своего национального места и самосознания. Средний слой еще не окреп в своей государственной идее и воле; и зараза сентиментального социализма и Непротивленчества еще не была побеждена. **Незрелость и рыхлость национального характера соответствовала незрелости и рыхлости народного хозяйства.**

Этой своеобразной беспочвенности и рыхлости здоровых сил народа противостоял **неизжитый запас больных и разрушительных сил.** В крестьянстве бродило еще памятозлобие крепостного права и вековая мечта земельного передела и анархии; аграрная перенаселенность общины дразнила народ безвыходностью и поддерживала иллюзию количественно неисчерпаемого земельного фонда;

остатки крестьянского неравноправия и неполноправия довершали это настроение. Брожение рабочего пролетариата питалось и крестьянским недовольством, и классовым положением рабочих, и утопически-революционной пропагандой социализма. Обилие темпераментных национальных меньшинств, руководимых своею честолюбивой полуинтеллигенцией, создавало целый кадр центробежно настроенных «деятелей». Эти «деятели», с их радикально-революционными симпатиями, вливались во всероссийский резервуар фрондирующей интеллигенции и неустроенной, вечно недовольной, бродящей полуинтеллигенции; и все это вместе в высшей степени **затрудняло качественный отбор государственной элиты.** За девятнадцатый век слагалась и крепла больная традиция революционной фронды; считалось, что «порядочный» человек должен быть настроен радикально и непримиримо; он должен порицать и отрицать все, что исходит от Императорского правительства; он должен если не прямо быть социалистом, то «сочувствовать» и закулисно «помогать» социалистическим партиям. Эта традиция в течение целого века работала над **изоляцией и компрометированием** русского Императорского правительства, предполагая в русском народе выдающиеся демократически-республиканские дарования и выдавая социализм за вернейший критерий демократичности.

Дореволюционная Россия держалась и строилась не этими центробежными силами, а **вопреки** этим последним. Необходимый отбор ведущего слоя, правящего чиновничества и культурной общественности, совершался, несмотря на все затруднения, несмотря на изолирующую пропаганду и на террор революционных партий.

Идейные и честные люди пополняли кадры русской армии, русского флота и русского чиновничества. Не скудела Академия Генерального Штаба. На исключительной высоте стоял правительствующий Сенат, кассационные решения которого содержат целый клад юридической мудрости и справедливости. Россия имела основания гордиться своим судом, своими финансами, своею наукою, своим искусством и своими театрами. Она имела первоклассную дипломатию, превосходную военную разведку и опытный, преданный своему делу кадр народных учителей. А когда П.А.Столыпин взялся за дело разверстания сельской общины и за переселение, то ему удалось отобрать такой кадр чиновников, о качестве которого, не могло быть двух мнений.

Наряду с этим Россия выдвинула драгоценный слой нечиновной общественности; идейных и опытных деятелей земского и городского самоуправления, превосходный кадр врачей национально-русской интуитивной школы, идейную и гуманную адвокатуру, даровитое купечество с традициями и с размахом, кадр энергичных коопе-

раторов и агрономов. Все это строило Россию, постепенно освобождаясь (силою вещей, ходом жизненного дела, реализмом предметных задач) от мечтательного брожения и врастая в механизм государства. Россия нуждалась больше всего в **мире и в завершении столыпинской реформы;** она нуждалась меньше всего в **революции и в социализме.** Судьба судила ей иное: она послала ей неподготовленную и неудачную войну, социалистическую кровавую революцию и планомерное разрушение почти всей ее исторически выстраданной культуры. Вскрылись исторические рубцы и заживающие шрамы, души заболели ненавистью и местью, замутились до самого дна, и поднявшееся социальное дно поглотило свою собственную, русскую национальную элиту.

Разразившаяся коммунистическая революция не только разрушала прежнее государство, прежнее хозяйство и прежнюю культуру в России, но стремилась прежде всего **смести прежний ведущий слой** и поставить на его место **новый.**

Первая, отрицательная задача не представляла особых затруднений: сместить, уволить, лишить имущества и жилища, обречь на голод и холод, арестовать, сослать, расстрелять – все это разрушительное дело требовало только решительности и жестокости. Но разрешение положительной задачи – **создание нового ведущего слоя** – не могло удастся революционерам. Здесь мы наталкиваемся на одно их основных внутренних противоречий революции.

Революция с самого начала обращалась не к лучшим, государственно-зиждительным силам народа, а к **разрушительным и разнузданным** элементам его. Она привлекла к себе не честных, верных, патриотически настроенных людей, привыкших к дисциплине и ответственности, а безответственных, деморализованных; беспринципных, карьеристов, интернационалистов, грабителей, дезертиров, авантюристов. Это есть просто неоспоримый исторический факт. Ей нужны были люди дурные и жестокие, способные разлагать армию, захватывать чужое имущество, доносить и убивать. Наряду с этим она обращалась к людям невежественным и наивным, которые готовы были верить в немедленное революционно-социалистическое переустройство России.

И вот никакой государственный режим, тем более «творчески обновляющий» режим, не может быть построен **такими** людьми и на таких порочных основаниях. **Привычный нарушитель, сделавший себе из правонарушения политическую профессию, останется правонарушителем и после того, как ему прикажут строить новую жизнь.** Революция дала народу «право на бесчестие» (Достоевский), и, соблазнив его этим «правом», она начала свой отбор, делая ставку на «бесчестие». Этим она расшатала народное правосознание, смешала «поз-

воленное» и «запретное», перепутала «мое» и «твое», отменила все правовые межи и подорвала все социальные и культурные сдержки. Какой же «ведущий слой» мог отобраться по этим признакам и в этой атмосфере?

Пришли новые люди – презирающие законность, отрицающие права личности, жаждущие захватного обогащения, лишенные знания, опыта и умений; полуграмотные выдвиженцы, государственно неумелые «нелегальщики» (выражение Ленина), приспособившиеся к коммунистам преступники. Революция **узаконила уголовщину и тем самым обрекла себя на неудачу.** Революция превратила **разбойника в чиновника** и заставила свое **чиновничество править разбойными приемами.** Вследствие этого **политика пропиталась преступностью, а преступность огосударствилась.**

Шли годы. На этих основах сложилось и окрепло **новое коммунистическое чиновничество:** запуганное и раболепно-льстивое перед лицом власти; пронырливое, жадное и вороватое в делах службы; произвольное и беспощадное в отношении к подчиненным и к народу; во всем трепещущее, шкурное, пролганное; привыкшее к политическому доносу и отвыкшее от собственного, предметного и ответственного суждения; готовое вести свою страну по приказу сверху – на вымирание и на погибель. И все неудачи революции объясняются не только противоестественностью ее программы и ее планов, но и **несостоятельностью отобранного ею слоя.**

Когда крушение коммунистического строя станет совершившимся фактом и настоящая Россия начнет возрождаться, – русский народ увидит себя **без ведущего слоя.** Конечно, место этого слоя будет временно занято усидевшими и преходящими людьми, но присутствие их не разрешит вопроса. Прежняя, дореволюционная элита распалась, погибла или переоделась; и то, что он нее сохранится, будет лишь скудным, хотя и драгоценным остатком былого национально-исторического достояния. А революционный отбор должен будет отчасти совсем отпасть ввиду своей несостоятельности и неисправимости; отчасти же измениться к лучшему как бы на ходу. То, в чем Россия будет нуждаться, прежде всего, и больше всего, – будет новый ведущий слой. Эта новая элита, **новая русская национальная интеллигенция** – должна извлечь все необходимые уроки из всероссийского революционного крушения. Мало того, она должна осмыслить русское историческое прошлое и извлечь из него заложенный в нем «разум истории». А история учит нас многому.

1. Прежде всего, ведущий слой не есть **ни замкнутая «каста», ни наследственное или потомственное «сословие».** По составу своему он есть нечто живое, подвижное, всегда пополняющееся **новыми, способными людьми** и всегда готовое освободить себя от неспособ-

ных. Это есть старое и здоровое русское воззрение. Его выдвинули еще Иоанн Грозный, осознавший необходимость нового отбора, но трагически исказивший и погубивший его в «опричнине». К этому воззрению вернулся Петр Великий, выдвинувший на первые и не первые места государства новых людей, начиная от Меншикова и Лефорта, Шафирова и Ягужинского и кончая своими, командированными за границу учениками. С тех пор эта традиция дала России Ломоносова и целые плеяды славных ученых; гениального скульптора Федота Шубина и длинный ряд славных художников из народа; ряд блестящих деятелей екатерининской эпохи – Сперанского, Скобелева, Витте, Губонина, Савву Мамонтова, Третьякова, Лавра Корнилова и его сподвижников.

Здесь есть некое общее правило: человека чести и ума, таланта и сердца – не спрашивают о его «предках», ибо **он сам есть «предок» для грядущего потомства.** Качественный, духовный заряд, присущий человеку, выдвигает его на первые места, независимо от его родословной. Потомственная традиция честности, храбрости и служения есть великая вещь, но она не может сделать глупца – умным, а безвольного человека – призванным организатором жизни. Мы все – от правителя до простого обывателя – **должны научиться узнавать людей качественно-духовного заряда и всячески выдвигать их,** «раздвигаясь» для них; только так мы сможем верно пополнять нашу национальную элиту во всех областях жизни. Это требование есть не «демократическое», как принято думать, а **нравственно-патриотическое и национально-государственное.** Только так мы воссоздаем Россию: дорогу честности, уму и таланту!..

2. Принадлежность к ведущему слою – начиная от министра и кончая мировым судьею, начиная от епископа и кончая офицером, начиная от профессора и кончая народным учителем, – есть **не привилегия, а несение трудной и ответственной обязанности.** Это не есть ни **«легкая и веселая жизнь»,** ни «почивание на лаврах». Темному, необразованному человеку простительно думать, будто «настоящая» работа есть именно телесная, и только телесная, а всякий душевно-духовный труд есть «притворство» и «тунеядство»; но человек духовного или интеллектуального труда не имеет права поддаваться этому воззрению. В свое время ему поддались русские народники; перед ним склонился Л.Н.Толстой, надсмеявшийся над духовным трудом в своей революционно-демагогической сказке «Об Иване-дураке». Призыв Толстого к «опрощению» был не только протестом против излишней роскоши (что было бы естественно), но и отрицанием всякого «не-физического» труда. Это воззрение заразило постепенно широкие круги интеллигенции. «Кающийся барин» не сумел найти меру для своего «покаяния, он не только стал корить себя

за недостаточную склонность к братской справедливости, но заразился **культурным нигилизмом** в вопросах права, государства, собственности, науки и искусства. Этим была в значительной мере подготовлена большевицкая революция с ее уравнительством в вопросах жилища, питания, одежды, образования и имущества: «уравнивать» и «упрощать» – **значит снижать уровень и подрывать культуру.**

Вести свой народ есть **не привилегия, а обязанность лучших** людей страны. Эта обязанность требует от человека не только особых природных качеств, подготовки и образования, но и особого рода жизни в смысле досуга, жилища, питания и одежды. Это люди **иной душевной и нервной организации,** люди духовной сосредоточенности, люди иных потребностей и вкусов, иного **жизненного напряжения и ритма.** Мыслителю и артисту нужна тишина. Ученому и судье необходима библиотека. Чиновник должен быть обеспечен и независим от управляемых обывателей и т.д. Если это – «привилегия», то привилегия, вознаграждающая за высший труд и обязывающая к качественному служению. Этой «привилегии» нечего стыдиться; ее надо принимать с достоинством и ответственностью, не позволяя предрассудку и зависти вливать в душу свою отраву.

Ранг в жизни **необходим и неизбежен.** Он обосновывается качеством и покрывается трудом и ответственностью. Рангу должна соответствовать **строгость к себе** у того, кто выше, и **беззавистная почтительность** у того, кто ниже. Только этим **верным чувством ранга** воссоздадим Россию. Конец зависти! Дорогу качеству и ответственности!

3. Вместе с тем в России должна быть искоренена дурная традиция **«кормления», т.е. частного наживания на публичной должности.** Государственный чиновник, так же как и служащий земского или городского самоуправления, должен довольствоваться получаемым им окладом (жалованием) и не пополнять его никакими «прибытками» или «поборами» с обслуживаемого им населения. Время, когда государственный центр раздавал должности на «кормление», – время удельно-феодальное и, далее, сословно-крепостное – прошло безвозвратно. Воевода, живущий поборами («земля любит навоз, а воевода принос»); судья, торгующий приговором и презирающий закон («хочу – по нем сужу, хочу – на нем сижу»), чиновник взяточник и растратчик («казна – шатущая корова, не доит ее один ленивый») – все эти больные и кривые явления русской истории были в небывалом размере воскрешены русской революцией и должны окончательно угаснуть вместе с нею. Революционная всепродажность; революционная растрата; повальное революционное хищение – объясняются тем **изъятием собственности и тем хозяйственно-бюрократическим бедламом,** которые осуществлялись самой революцией: люди,

ограбленные ею, возвращали себе отнятое всюду, где могли, и не считали такое «самовознаграждение» зазорным. Психологически – это понятно; но по существу – это есть деморализация и расхищение государства.

Публичные должности, от самой малой до самой большой, должны давать человеку **удовлетворяющее его вознаграждение** и должны переживаться им не как «кормление», а **как служение.** Человек, не удовлетворяющийся законным жалованием, не имеет права брать соответствующую должность. Человек, взявший публичную должность, не имеет права пользоваться ею для частной наживы. Конец взятке, растрате и всякой продажности!.. Только этим возродим Россию.

4. Далее, одна из основных опасностей ведущего слоя состоит в слишком **высокой оценке государственной власти,** ее значения и призвания. Государственная власть имеет свои пределы, обозначаемые именно тем, что она есть **власть, извне подходящая к человеку,** предписывающая и воспрещающая ему **независимо от его согласия или несогласия** и угрожающая ему наказанием. Это означает, что все творческие состояния души и духа, предполагающие любовь, свободу и добрую волю, **не подлежат ведению государственной власти** и не могут ею предписываться. Государство не может требовать от граждан веры, молитвы, любви, доброты и убеждений. Оно не смеет регулировать научное, религиозное и художественное творчество. Оно не может предписывать оказательства чувств или воззрений. Оно не должно вторгаться нравственный, семейный и повседневный быт. Оно не должно без крайней надобности стеснять хозяйственную инициативу и хозяйственное творчество людей.

Ведущий слой призван **вести,** а не гнать, не запугивать, не порабощать людей. Он призван **чтить и поощрять свободное творчество ведомого народа.** Он не командует (за исключением армии), а организует, и притом лишь в пределах общего и публичного интереса. Вести можно только свободных; погонщики нужны только скоту; надсмотрщики нужны только рабам. Лучший способ вести **есть живой пример.** Авантюристы, карьеристы и хищники не могут вести свой народ; а если поведут, то приведут только в яму. Государственное водительство имеет свои пределы, которые определяются, во-первых, **достоинством и свободой личного духа,** во-вторых, **самодеятельностью творческого инстинкта человека.** Конец террору как системе правления!.. Конец тоталитарному всевелению и всеприсутствию!.. России нужна власть, **верно блюдущая свою меру.**

5. К этому необходимо добавить, что новый русский отбор должен строить Россию **не произволом, а правом.** Будут законы и правительственные распоряжения. Эти законы должны соблюдаться и ис-

полняться **самими чиновниками,** ибо чиновник есть первый, кого закон связывает. Представление о том, что этот закон вяжет обывателя и разнуздывает произвол правителя, много раз осужденное в русских народных пословицах, но возрожденное советской революцией, должно отпасть навсегда. Закон связывает всех: и Государя, и министра, и полицейских, и судью, и рядового гражданина. От закона есть только одно «отступление»: **по совести, в сторону справедливости, с принятием на себя всей ответственности.** Формально-буквенное, педантически-мертвенное применение закона есть не законность, а карикатура на нее. «Крайняя законность» никогда не должна превращаться в «крайнюю несправедливость». Или по русским пословицам: «Не всякий прут по закону гнут»; а «Милость творить – с Богом говорить».

Это означает, что всякое применение закона требует беспристрастного жизненного наблюдения (интуиция факта) и беспристрастного решающего усмотрения (интуиция права). Мало закона. Надо видеть живое событие. И далее, надо видеть сквозь закон:

1. Намерение законодателя и 2. Высшую цель права (свобода, мир, справедливость). Поэтому всякое применение закона предполагает в душе применяющего чиновника – **живое творческое правосознание** (правовое **разумение** и правовую совесть). И вот в этой сфере не должно быть места никакой **корысти,** никакой **кривизне** или, как выражала это русская летопись, – никакому «воровству» и «малодушию»: ни взятке, ни косвенной личной выгоде, ни классовому интересу, ни родству, ни льстивому прислуживанию, ни потачке, ни укрывательству, – словом, ничему тому, от чего стонала дореформенная Россия, с чем так успешно боролся пореформенный (после 1864 г.) правопорядок и что расцвело цветами позора и скандала в эпоху революции.

Грядущей России нужен не произвол, не самодурство и не административная продажность, а **правопорядок, утверждаемый живым и неподкупным** правосознанием. Правило этого правосознания выражено в старом русском поэтическом присловье:

Чтобы твоим судом другим не сделать лиха,
О деле рассуждай, когда в тебе все тихо,
И то – с молитвою всегда,
Чтоб просветлил тебя Господь... А то беда:
Без умысла невинного придавишь
И после дела не поправишь...

6. Далее, новая русская элита в деле управления должна **блюсти и крепить авторитет государственной власти.** Невозможно строить

правопорядок без этого авторитета. Он пошатнулся еще при Императорском правительстве; он был расшатан и подорван при Временном правительстве; он был опять восстановлен, правда в формах противоправных, свирепых и унизительных, советскою властью. Новый русский отбор призван укоренить авторитет государства на совсем иных, благородных и правовых основаниях: на основе религиозного созерцания и уважения к духовной свободе; на основе братского правосознания и патриотического чувства; на основе достоинства власти, ее силы и всеобщего доверия к ней. Необходимо помнить, что этот авторитет есть всенародное, исторически накапливающееся достояние. Он слагается из поколения в поколение; он живет в душах незримо, но определяюще, он призван служить орудием национального спасения. Революция сначала расшатала, а потом скомпрометировала его кровью, партийно-классовым режимом и тоталитарностью коммунистического строя. И вот борьба за грядущую Россию окажется борьбой за **новый авторитет новой национально-русской власти,** ибо безавторитетная власть не оборонит и не возродит Россию.

7. Все эти требования и условия будут, однако, несовершенны и неопределяющи, если не будет соблюдено последнее. Новый русский отбор **должен быть одушевлен творческой национальной идеей.**

Безыдейная интеллигенция не нужна народу и государству и не может вести его... Да и куда она приведет его, сама блуждая в темноте и в неопределенности? Но прежние идеи русской интеллигенции были ошибочны и сгорели в огне революций и войн. Ни идея «народничества», ни идея «демократии», ни идея «социализма», ни идея «империализма», ни идея «тоталитарности» – ни одна из них не вдохновит новую русскую интеллигенцию и не поведет Россию к добру. Нужна **новая идея** – **религиозная** по истоку и **национальная** по духовному смыслу. Только такая идея может возродить и воссоздать грядущую Россию.